

ЭТО ЗВУЧИТ СОВРЕМЕННО

СКАЖЕМ честно: в театр мы шли настороженными. И это понятно, если учесть, что в тот вечер нам предстояло познакомиться с героями «Яда» — пьесы А. В. Луначарского, не шедшей на театральных подмостках страны более 30 лет. Нам казалось, что театр в лучшем случае сможет верно передать атмосферу того трудного времени — середины двадцатых годов. Но тут же возникала мысль: а стоило ли только ради этого воскрешать одну из прочно забытых пьес, отнюдь не входящих в золотой фонд советской драматургии?

Сомнения рассеялись быстро. Пьеса, прочитанная и рассказанная по-новому умным и неустанно ищущим коллективом Псковского театра им. А. С. Пушкина, предстала перед нами не как пыльный экспонат истории, а как боевое оружие современника.

Как же сумел театр преодолеть грань времен?

Секрет здесь не только и не столько во внешних театральных приемах, пусть даже и являющихся хорошим пример творческой выдумки (постановщик спектакля Б. Филипов, художник Г. Белоуско). Бесспорно, введение стихов Вл. Маяковского, Э. Багрицкого, М. Светлова, служащих одновременно и заставками к сценам, и смысловым мостиком к зрителю 1960 года, а также документальные кинокадры, вплетающиеся в ткань повествования, приближают пьесу к нашему современнику. Но по-настоящему сегодняшнее звучание пьесы приобретает благодаря исполнителям основных ролей. Приглушив, отодвинув на второй план все, что по форме и содержанию не выходит за рамки примет той эпохи, они с особенной силой сумели донести идеи, не потерявшие своей остроты и сегодня.

У старого революционера-подпольщика, ныне наркома Шурупова, есть сын Валерий (артист Ю. Пресняков). Юноша впечатлительный и горячий, он не находит своего места в трудных буднях. Он не любит, он презирает отца за его неумение дать ему «красивую» жизнь. «Родился у волка зайчонок», — тяжело бросает Шурупов в разговоре с сыном.

Под стать «зайчонку» и его юная подруга Римма Граева. «Скучающая змея», — коротко и, на первый взгляд, точно рекомендует она себя. Ради того, чтобы убить эту всепожирающую скуку, уйти от са-

мой себя, Римма готова на все. Она ищет спасения в болоте мещанства, сомкнувшегося с явной контрреволюцией. На это дно она тащит за собой и Валерия. Запутавшись в сетях матерого разведчика Мельхиора Полуды, «представителя держав» (образ этого оборотня превосходно лепит артист В. Лукин), она согласилась пойти на преступление — на убийство наркома Шурупова. Смертельный яд в стакан отца должен влить сам Валерий! У него два выбора: или гибель нелюбимого отца, или любимой девушки (Римма дала расписку Мельхиору, и это ее наверняка погубит)...

Пьеса оканчивается победой Шурупова. Нет, мы имеем в виду не арест Мельхиора Полуды и уже с ним. Речь идет о торжестве идей и морали Шурупова. А это торжество выразилось в духовном возрождении сына, в освобождении Риммы от яда неверия и мещанства. Именно на ней, Римме Граевой, такой, какой ее играет Т. Парамонова, и сосредоточен фокус спектакля. Искренность — вот что составляет сердцевину этого образа.

...В своей камерке Римма принимает Мельхиора Полуду. Таинственность, волнующая романтика, которой ловко окутывает свои черные дела «представитель держав», приводят ее в трепетное восхищение: да, это настоящий герой! Но вот к Римме случайно заглядывает комсомолец Бор-Бор. Она узнает от него о болезни Валерия. И мгновенно перед нами появляется другая девушка — любящая, добрая, целомудренная.

Не так опасен яд в ампуле — он в состоянии убить лишь одного. Гораздо страшнее яд мещанства, способный разложить и морально убить многих. Этому учит судьба Риммы Граевой. И именно эта мысль, пронизывая весь спектакль, делает его боевым оружием современника.

Спектакль подкупает ансамблевой сыгранностью. Достоверны отрицательные персонажи, среди которых хочется выделить спившегося полковника Евстигнеева (Е. Смирнов), налетчика и авантюриста Батова (В. Андреев), непризнанного «гения» модернизма Ферронта Христофорова (В. Журов), выдавшую виды квартирную хозяйку Татьяну Сидоровну (В. Дворячкова). Достоверны и те, кто несет в спектакле утверждающее начало.

И прежде всего — солдат ленинской гвардии, нарком Шурупов. Артист Н. Крицкий, подчас пре-

одолевая некоторую риторичность текста, сумел раскрыть драму Шурупова-отца и Шурупова-наркома. Ведь он не только «проглядел» сына. Он проглядел врага, подкрываясь к самому его сердцу. И, одержав победу, он не забудет этого сурового урока.

Есть в пьесе небольшая и, казалось бы, не несущая на себе сюжетной нагрузки роль. Это старый рабочий и друг Шурупова — Емельян Карпович. Артист А. Алексеев вкладывает в игру подлинную страсть, беспредельную уверенность в правоте дела революции.

Бесспорно, не все в спектакле ровно. Можно упрекнуть исполнитель и в том, что они отдали известную дань мелодраматизму (особенно явственно это прорывается в 5-й картине), в желании кое-где блеснуть эксцентричностью ради эксцентричности, в нарочито патетической декламации стихов и ряде других погрешностей. Но, может быть, эти частные просчеты потому хорошо и видны, что выступают на добротном, ярком, запоминающемся фоне.

Коллектив Псковского театра им. А. С. Пушкина, давший несколько лет назад вторую жизнь «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского и «Платонову» А. П. Чехова, успешно продолжает свои интересные творческие искания.

И. ЛЕВИН.

ПСКОВ.

Соборинская
18. III. 60.